

ПРИНІВСКІЙ

КРАЙ

Военно-освѣдомительная, литературная и политическая газета.

Цѣна отдѣльнаго вумера въ уличной продажѣ 1 марка. Покупающимъ сразу болѣе 50-ти экземпляровъ скидка 20%.

№ 27.

Нарва, Пятница 12 Декабря 1919 г.

№ 27.

ТЕЛЕГРАММА ГЛАВНОКОМАНДУЮЩАГО Сѣверо-Западной Арміей.

Въ Редакцію газеты „ПРИНІВСКІЙ КРАЙ“

Отъ лица всѣхъ Георгіевскихъ кавалеровъ благодарю русскихъ людей за привѣтъ принесенный намъ въ день Георгіевского праздника, тронуть вниманіемъ и радуюсь, что этотъ великій боевой праздникъ крѣпко живетъ въ сердцахъ русскихъ людей.

Генераль Юденичъ.

ПОСЛѢДНІЯ ИЗВѢСТІЯ.

На фронтѣ Сѣверо-Западной и Эстонской Армій: Храбрые эстонцы отбили рядъ атакъ. Вновь большевики понесли значительныя потери убитыми и ранеными.

На Южномъ фронтѣ Генерала Деникина по большевистской сводкѣ продолжаются бои въ Кіевскомъ районѣ съ переменнымъ для большевиковъ успѣхомъ, но мы уже знаемъ изъ предыдущихъ радіотелеграммъ штаба Южной Арміи, что наши доблестныя части упорно тѣснятъ красныхъ отъ Нѣва въ сѣверо-восточномъ направленіи.

На Сѣверномъ фронтѣ Генерала Миллера—благодаря возстанію крестьянъ противъ Совѣтской власти въ Вологодской губерніи образовался новый фронтъ протяженіемъ на двѣсти слишкомъ верстъ, юнѣе Усть-Сысольска и Усть-Иѣма. Части наступаютъ весьма успѣшно на Вятку.

ОПЕРАТИВНЫЯ СВОДКИ:

Штаба Сѣверо - Западной Арміи

къ 10 час. вечера 11 декабря.

Въ районѣ рѣки Наровы.

Къ д. Усть-Ижердянка подходила неприятельская развѣдка, но нашимъ огнемъ разсѣяна.

На Гдовскомъ направленіи.

Со стороны Усть-Черново была замѣчена развѣдательная партія красныхъ, обстрѣлянная нами — скрылась.

Въ Ямбургскомъ направленіи.

Поиски развѣдчиковъ и ружейная перестрѣлка.

къ 10 час. утра 11 декабря.

На Гдовскомъ направленіи.

Около 3-хъ часовъ на шоссе сѣвернѣе д. Низы нашимъ огнемъ была разсѣяна конный развѣздъ противника.

Въ Ямбургскомъ направленіи.

Спокойно.

На побережьи Финскаго залива.

Весь день артиллерійская перестрѣлка. Въ теченіе дня противникъ наступалъ много разъ на д. Федоровка и Коростели и старался пробраться черезъ наши позиціи. По мѣстамъ онъ приближался до 15 шаговъ къ нашимъ проволочнымъ загражденіямъ, но былъ съ большими потерями отбитъ, оставивъ много убитыми.

Въ Ямбургскомъ направленіи.

Неприятель обстрѣливалъ д. Кошкино, Сала, Дубровка и мз. Маріенгофъ. Наши бронепоезда обстрѣливали неприятельскія позиціи.

Въ Псковскомъ направленіи.

Противникъ обстрѣливалъ безъ послѣдствій д. Видавичи, Поддубье и Пріозерье.

На остальныхъ направленіяхъ безъ перемѣнъ.

Нарва—Эстонскій Верденъ

О НАРВУ

разобьются лучшія силы большевиковъ!

Желаю купить барскую мебель, персидскіе, кавказскіе ковры, античныя вещи, хрусталь, фарфоръ, гравюры. Предложенія съ подробнымъ описаніемъ цѣны, до 18 декабря: Ревель, почтовый ящикъ 82.

Нарва 12-го декабря.

9 декабря окончился седьмой съезд съездов Советской Республики в Москве. Может быть кто либо подумает, что Советская Республика есть действительно Республика, управляемая крестьянами и рабочими, есть государство в котором осуществлены высшие идеалы социализма и пролетариатъ взялъ власть въ свои руки? Съездъ съездов—это нечто въ родѣ Парламента, или палаты депутатовъ, гдѣ граждане имѣютъ возможность свободно высказывать свои мысли, дѣлать запросы Правительству, указывать на желательныя улучшения въ государственномъ строительстве? Вѣдь даже Государственная Дума такъ поносима всѣми «царскаго режима» и та имѣла право это дѣлать и передъ нею не разъ министрамъ приходилось оправдываться, какъ мальчикамъ и ученикамъ.

Но ничего подобнаго не представляя изъ себя съездъ съездовъ такъ много шумѣвший и такъ долго жданный. Во первыхъ съѣхались все свои. Такъ случилось, что въ делегаты «выбрали» исключительно убѣжденных коммунистовъ, приверженцевъ партіи Ленина и Бронштейна. Можете вы представить себѣ Государственную думу, въ которой депутатами были бы исключительно жандармскіе ротмистры и унтеръ-офицеры? трудно, ну а съездъ съездовъ представилъ изъ себя именно такой парламентъ, гдѣ говорить было нельзя, гдѣ нужно было слушать и по данному знаку выражать бурное одобрение аплодисментами. Постановлялъ же и предписывалъ къ безусловному исполненію всѣмъ народомъ одинъ Ленинъ, какъ императоръ и самодержецъ все-советскій.

Демократіямъ Западной Европы было бы весьма полезно прослѣдить и изучить работу съезда и сказать опредѣленно, что это такое? Народоправство? Правительство рабочихъ и крестьянъ или самодержавіе, задавившее въ концѣ волю рабочихъ и крестьянъ и поработившее ихъ. Взглядываясь въ работу съезда мы видимъ, что страню править одинъ Ленинъ, какъ абсолютный монархъ. Правда волеизъявленіе этого монарха происходитъ не совсѣмъ обычнымъ путемъ и порядкомъ, не въ формѣ манифестовъ, или приказовъ и онъ не пишетъ „предписываю“, „требую“,

но волю свою онъ излагаетъ въ большихъ программныхъ рѣчахъ. Онъ проситъ товарищей сдѣлать то то и то то, онъ „проситъ товарищей“ передать всюду и вездѣ, всѣмъ организациямъ, всѣмъ собраниямъ рабочихъ и крестьянъ его „просьбу“, но рабочие и крестьяне уже знаютъ, что за исполненіемъ „просьбы“ Ленина бдительно слѣдятъ „чрезвычайка“, что неисполненіе его просьбы влечетъ за собою знаменитое „кз стѣнъ“, пытку, взятіе заложниковъ, карательную экспедицію и—потомъ и разграбленіе.

Гвоздемъ съезда съездовъ были двѣ рѣчи Ленина. Вступительная и заключительная. Открывая съездъ, Ленинъ обѣщалъ скорый и прочный миръ, но не скрылъ отъ коммунистовъ безотраднато состоянія советской республики надвигающагося голода, холода и страшно развивающагося сыпного тифа. Советская республика представилась изнемогающей клячей, которая вотъ-вотъ падетъ подъ непосильной тяжестью. Естественнымъ выводомъ изъ первой рѣчи Ленина могло быть только одно: — нужно принять крайнія экстремныя мѣры для спасенія обломковъ республики, нуженъ миръ, нужно предпринять что угодно для полученія хлѣба и топлива.

Но тогда Ленинъ не исполнилъ бы главнаго порученія Германіи. Уничтожить, обезкровить Россію. Онъ сталъ бы спасать Русскихъ людей, а ему дано обратное задание — уничтожить Русскихъ людей, потому что они навозъ для германской расы...

И вотъ въ послѣдней рѣчи онъ „проситъ“ утроить свои силы на борьбу съ Деникинымъ, Колчакомъ и Юденичемъ, онъ „проситъ“ вести войну до побѣднаго конца, или до полной гибели послѣдняго красной армейца. Онъ требуетъ, чтобы крестьяне отдали весь свой хлѣбъ и грозить неповинующимся, онъ требуетъ всѣхъ на работу и войну до тѣхъ поръ, пока не будетъ уничтожена вся буржуазія всего міра, ибо только тогда „пролетариатъ восторжествуетъ и наступитъ миръ“...

Какъ жаль, что на этомъ съездѣ не было никого изъ иностранцевъ. Какъ жаль, что только Корейская делегация отважилась прибыть на съездъ палачей и убійцъ. Если бы могли быть на этомъ съездѣ представители Англии и Франціи, хотя бы корреспонденты газетъ — они могли бы передать своимъ странамъ, что такое советская респуб-

лика и почему истинные демократы съ такою непримиримой ненавистью говорятъ о Советской власти.

На седьмомъ съездѣ съездовъ эта власть ярко выявилась и можно опредѣленно сказать — советская республика не есть рабоче-крестьянская республика, управляемая съѣздами рабочихъ и крестьянъ, но есть неограниченная, тираническая монархія, управляемая единолично Владиміромъ Ленинымъ по указкѣ отъ монархическихъ круговъ Берлина.

Забрало на съездѣ было поднято и всякій могъ видѣть чье лицо скрывается подъ буквами Р. С. Ф. С. Р. . .

Письмо офицера.

Отчего такъ тяжело русской душѣ, почему гнетъ на сердцѣ и мысли полны безотрадныхъ, тяжелыхъ думъ?

У всѣхъ-ли русскихъ людей заброшенныхъ теперь на чужбину, — въ Эстонію такое тяжелое чувство? „Сознаетъ-ли каждый, что въ томъ, что случилось, что въ своей тоскѣ, или въ своемъ страхѣ, — онъ несетъ частичку и своей вины.“

Вины за прошлое и за настоящее!

Горячій потокъ крови, пролитый лучшими изъ насъ, краснорѣчиво доказалъ всему міру, что у насъ есть люди умѣющие жертвовать собою за достиженіе цѣли — возрожденія нашей Россіи.

Живымъ укоромъ будетъ эта пролитая за Россію кровь, тѣмъ, кого заслуженно не коснется твердая рука того, кто въ полномъ сознаніи ответственности предъ тяжелымъ моментомъ, взялся за исправленіе прошлыхъ ошибокъ и за созданіе мощнаго, единого духа нашей Арміи.

Помогите этому человѣку всѣ тѣ русскіе люди, чьи руки не загрязнены печальнымъ прошлымъ, протяните имъ ему и дружной, новой, общей работой выведите изъ опасности здѣсь на Сѣверо-Западѣ наше русское дѣло.

Сейчасъ, какъ никогда прежде, нашему дѣлу нужна помощь сильныхъ и честныхъ людей, нужна работа въ тылу и отвага на фронтѣ.

Боритесь всѣ съ провокаціей и предательствомъ направленными нашими врагами къ дезорганизации насъ и къ умерщвленію нашего русскаго дѣла!

Позорьте тѣхъ малодушныхъ, которые убѣгаютъ изъ нашихъ рядовъ, вдругъ вспомнивъ, что они Украинскіе, Литовскіе или иные подданные!

Ведите на судъ воровъ расхищающихъ дѣстоеаніе арміи, — оплота и надежды всего нашего дѣла!

Разъясняйте тѣмъ, кто зоветъ васъ изъ подъ нашего трехцвѣтнаго знамени съ бѣлымъ крестомъ, подъ Бѣлорусскій или Ингерманландскій флагъ; что они совершаютъ преступленіе передъ Арміей, передъ Россіей и передъ ея народомъ, забавленнымъ властью террористовъ Бронштейномъ и Ленинымъ, противъ которыхъ борется наша русская Армія.

Напоминайте всѣмъ, кто еще любитъ Родину, кому дорого наше дѣло, что честолюбіе, личная выгода, личный покой, должны быть наконецъ принесены въ жертву Россіи, или пускай уйдутъ всѣ тѣ, кто не въ силахъ отказать себѣ въ этомъ.

Неужели грозные раскаты канонады у проволоки подъ Нарвой, тамъ гдѣ кончается ключекъ родной, завоеванной нами земли, не отрезвятъ всѣхъ тѣхъ, кто въ душѣ своей чувствуетъ частичку своей вины въ томъ, къ чему насъ привело наше прошлое? Неужели эта угроза не заставитъ побороть слабость, не заставитъ умыть руки сознавшихъ себя виновными, чтобы чистыми руками съ просвѣтленнымъ разумомъ, новой надеждой и энергіей, взяться за родное дѣло, сказавъ себѣ, что: „Какъ-бы ни былъ тяжелъ моментъ, какъ-бы не смущали события, — дѣло начатое на Сѣверо-Западѣ Россіи, осязаемое символомъ благаго креста, не будетъ разрушено нашими врагами, потому что мы русскіе люди рѣшили, какою угодно цѣною довести до конца святое дѣло возрожденія нашей Родины!“

Пусть каждый скажетъ это себѣ и въ это повѣрить.

Пусть каждый честно поможетъ тому, кто взялъ на себя подвигъ спасти наше дѣло. Тогда разсѣется гнетъ на сердцѣ, уйдутъ безотрадные мысли. Тогда каждый искупитъ частичку своей вины.

Н. В.—въ.

Сибирскіе крестьяне.

Ленинъ въ своей послѣдней рѣчи говорилъ о положеніи въ Сибиріи. Несмотря на большую побѣду у Омска, взятіе Омска и отступленіе бѣлой арміи за линію р. Обь, вождь большевиковъ признаетъ, что армія адмирала Колчака еще существуетъ и что съ нею считаться слѣдуетъ.

Изъ словъ Ленина видно, что адмирала Колчака поддерживаютъ буржуазія, казачество и крестьянство. Ленинъ съ негодованіемъ объясняетъ, что крестьяне Сибиріи за Колчака, потому что... богаты.

Такимъ образомъ крестьяне Сибиріи преступники, которыхъ слѣдуетъ обратить въ нищихъ, отнять у нихъ счастье и покой, чтобы впоследствии дать имъ новое счастье, счастье социалистическаго царства.

Ленинъ и его почитатели не желаютъ и въ мысляхъ допускать, чтобы существовали богатые крестьяне-собственники.

Крестьяншии Сибиріи действительно богаты.

Онъ владѣетъ своею собственною землею, своею свѣтлою, просторною и теплою избою, своимъ скотомъ, своимъ инвентаремъ. Его богатство приноситъ пользу не только ему, но и всѣмъ живущимъ въ Сибиріи.

Крестьяншии Сибиріи былъ вполне счастливы своею судьбою.

Разсказываютъ характерный анекдотъ о томъ, какъ одинъ изъ русскихъ царей спросилъ сибиряка: „Ну какъ у васъ въ Сибиріи?“, на что крестьянинъ отвѣтилъ: „да Сибирь то, вѣдь, у васъ, а не у насъ“...

Мольшевникамъ счастье пятнадцати миліоновъ крестьянъ не даетъ покоя и они рѣшили во что-бы то ни стало дать „Свободу“ сибирякамъ.

Программа этой свободы слѣдующая: отнять у крестьянъ землю, дома, набы, скотъ и все „социализировать“. И вотъ,

когда все станет „общим“, тогда только сибиряки получат настоящее счастье, о котором и не мечтали.

Большевики съ оружиемъ въ рукахъ производятъ социализацию въ Сибири. Крестьяне и казаки яростно защищаютъ свои собственные, не общественныя земли, свои собственные избы, свой собственный скотъ.

Въ бояхъ убиваются тѣ, которымъ большевики насильно хотятъ дать счастье социализма.

Большевики не желаютъ каждому дать то счастье, которое онъ предпочитаетъ.

Нѣтъ имъ необходимъ социализмъ, социализмъ во что бы то ни стало, социализмъ цѣною ужаснѣйшихъ страданій.

„Да здравствуетъ социализмъ, да здравствуетъ общественная жизнь, своего же счастья никто не смѣетъ имѣть!“

И дѣйствительно большевики отняли счастье у всѣхъ.

Колчакъ спасъ отъ ужасовъ социалистическаго опыта крестьянъ Сибири, но большевики настойчиво атакують его, не жалѣя крестьянъ Европейской Россіи, находящихся у нихъ въ арміи, не жалѣя, конечно, и сибиряковъ.

Не удивительно, что сибиряки поддерживаютъ адмирала.

Думается, что опасаясь за участь Сибири, находящейся на востокѣ Оби, сибиряки напрягутъ всѣ силы, чтобы остановить наступленіе большевиковъ.

Призаніе Ленина, что крестьяне Сибири поддерживаютъ Колчака весьма цѣнно: крестьяне за Колчака, а слѣдовательно, конечная побѣда за Колчакомъ.

Временный военный неуспѣхъ не долженъ пугать антибольшевицковъ.

Силы бѣлыхъ войскъ вновь соберутся за могучими водами Оби.

Войска адмирала уже двѣ недѣли отдыхаютъ и оправляются.

Хищники по своимъ собственнымъ признаніямъ не дошли еще до Оби и врядъ-ли дойдутъ раньше 2-хъ недѣль. А за это время армія сибиряковъ пополнится и отдохнетъ.

Адл.

„Патріотизмъ“ фронта.

У тѣхъ, кто во время великой войны 1914—1917 года провелъ по той, или иной причинѣ долгое время на одной и той же полосѣ безконечнаго русскаго фронта, что тянулся, извилаясь окопами и рядами проволоки отъ Балтійскаго моря до Дуная, часто образовывалась особая привязанность къ этой мѣстности, своеобразный фронтовой патріотизмъ.

Казалось бы, не все ли равно, гдѣ воевать, въ Карпатахъ, или подъ Ригой,—вездѣ вѣдь дѣлалось одно великое дѣло, каждый участокъ фронта защищалъ одну и ту же Россію.

Однако, нѣтъ. Части гордились своимъ фронтомъ, умѣли крѣпко полюбить коля своихъ собственныхъ подвиговъ и страданій, говорили о нихъ съ любовью.

Конечно, частямъ случалось и радоваться перебрескѣ, переѣзду съ фронта на фронтъ. На такой переѣздъ естественно смотрѣли какъ на отдыхъ, но вскорѣ же тянуло обратно, къ прежнему ставшему роднымъ фронту.

Такъ и говорили:

Мы юго-западные, или мы изъ подъ Риги! гдѣ бы мы была въ настоящее время часть,

— Тогда у солдатъ само собой выработывалось я особое отношеніе къ противнику, къ нѣмцу, къ австріицу, къ турку.

Всѣ они были врагами, но какую громадную разницу дѣлала армія въ оцѣнкѣ „германа“, „наговъ“ и „турки“,—таковы были солдатскія клички тогдашнихъ враговъ. Да разница и была на самомъ дѣлѣ. Солдаты чувствовали ее не только подмѣчая со свойственной ему наблюдательностью национальныя особенности противника, но и сознательно учитывая степень виновности вражескихъ правительствъ въ фактъ войны.

Каждый зналъ, что германъ всему голова, а панъ и турка только подголоски, цоющие подъ германскую дудку.

Можно ли было къ нимъ одинаково относиться?

Теперь не то.

Въ настоящее время, когда бѣлые фронты, Южный и Сѣверо-Западный, Мурманскій и Сибирскій совершенно оторваны одинъ отъ другого, когда командованія ихъ, хоть и связанные однимъ стремленіемъ изолированы другъ отъ друга, и стратегическія задачи ихъ различны, приходится съ особенной ясностью сознавать, что цѣль той, или другой арміи едина.

Врагъ повсюду одинъ—коммунисты.

А среди нихъ нѣтъ ни болѣе, или меньше виновныхъ, и разговоръ о болѣе или меньше ихъ „симпатичности“ показался бы дикимъ. Всѣ до одного они—поработители родины, всѣ виновники ея страданій, незаслуженнаго униженія.

Независть къ нимъ—вотъ чувство общее солдатамъ cadaго бѣлаго фронта, гдѣ бы, на какой циди русской земли онъ ни встрѣтился лицомъ къ лицу съ врагомъ-коммунистомъ.

При этихъ условіяхъ общности врага и единства цѣли, у бѣлыхъ армій не исчезло, а наоборотъ, укрѣпилось знакомое многимъ чувство фронтового патріотизма.

Мы радуемся успѣху на каждомъ фронтѣ, съ болью въ сердцѣ переживаемъ неудачи бѣлой арміи, гдѣ бы онъ ни имѣли мѣсто, но самый живой откликъ въ мысляхъ находятъ неизмѣнно событія „нашего“ фронта.

Первое, что мы ловимъ въ газетѣ—наша сводка, а потомъ уже другія. Это такъ понятно.

Въ прежнее время попасть на тотъ, или другой фронтъ, было дѣломъ случая. Не могло быть и рѣчи о какой-нибудь заранѣе существовавшей привязанности къ мѣсту боевой жизни.

Теперь же, когда сама исторія возникновенія изъ ничего того или иного фронта говоритъ о работѣ цѣлыхъ группъ мѣстнаго населенія и отдѣльныхъ личностей, привязанность къ фронту получаетъ новое объясненіе, входитъ въ плоть и кровь воюющихъ.

Свои родныя станицы стали отставать на югъ казаки, въ полки съ родными именами слились нѣкоторыя части Сѣверо-Западной Арміи, и начатое ими дѣло имъ самимъ кажется роднымъ.

Но дѣло cadaго фронта не можетъ, не должно стоять на мѣстѣ. Патріотизмъ фронтовой долженъ расширяться, углубляться въ своемъ ростѣ до общерусскаго.

Испыли казаки и денкиницы Волги и Днѣпра, не удержатъ ихъ теперь отъ стремленія къ Окѣ и Москвѣ—рѣкѣ.

Видѣли мы Неву передъ собою, не остановимся, чтобы не закружить ее за нами.

Пусть шире, глубже понимается всѣми задача обще-русскаго великаго дѣла, пусть тѣснѣй роднятся между собой всѣ оторванные другъ отъ друга фронты для того, чтобы встрѣтиться какъ можно скорѣе и радостно подать руку одинъ другому.

Пусть смѣлѣе, тверже солдаты сѣвера идутъ за тѣмъ, кто посланъ намъ, какъ вождь съ испытаннаго Юга, оттуда, гдѣ, можетъ-быть, съ болью оставлено имъ начатое съ первыхъ дней большевицма дѣло.

Пусть вся армія проникнется, наряду съ красивымъ и понятнымъ чувствомъ „фронтового“ патріотизма сознаниемъ важности общей задачи.

Одно лишь дополняетъ другое.

Герои защиты Нарвы должны почувствовать себя вершителями судьбы не малой ограниченной территоріи, а всего будущаго Русскаго государства. И тѣ, кто, оставаясь въ сторонѣ отъ боевой жизни, только оцѣниваютъ ее по своему, должны смотреть на боевую работу армій именно съ такой широкой точки зрѣнія.

Тогда только оцѣнка будетъ правильна.

Яр. Оредовскій.

Безнадежный больной.

Докторъ взялъ за пультъ больного, Головою покачалъ.

— За всю практику такого Пациента не встрѣчалъ!

Разъѣдаетъ въ немъ всѣ ткани

Хуже рака и саркомъ

Непредвидѣнный заранѣ

Самый злѣйшій „совнаркомъ“.

И на всемъ ослабшемъ тѣлѣ,—

Или я совсѣмъ ослѣплъ,—

Я невиданный доселѣ

Констатирую „совдепъ“.

Хуже чирьевъ и проказы

Выступаетъ гной изъ поръ.

Отъ какой бы отъ заразы?

Надо думать, „викжелдоръ“.

Такъ разстроено питанье,

Что въ желудкѣ твердый комъ,

Причиняетъ то страданье

Несомнѣнно „губпродкомъ“.

Помутился мозгъ больного,

Онъ впадаетъ въ странный культъ

Въ родъ безумія. Основа

Той болѣзни „пролеткультъ“.

Нервы также подгуляли.

Мой научный діагнозъ

Дастъ ошибку тутъ едва-ли:

Безусловный „совнархозъ“.

Сердце бьется, какъ въ присяждкѣ,

Перебой каждый мигъ,

И въ аортѣ безпорядки,—

Застарѣлый, злостный „вцикъ“.

Желчь разлилась, какъ отъ злобы,
Вздулись, вспухнули бока.

Такъ распухнуть отчего-бы?

Подозрѣнье на „чека“.

Выдѣлительной системы

Констатирую разладъ:

Вродѣ оспы и экземы

„Сѣвцентропечатный“ ядъ.

Съ медициной мы знакомы,

Но впервые здѣсь примѣръ!

Всѣ зловѣщіе симптомы:

Полный „Эръ-Эсъ-Эфъ-Эсъ-Эръ“

— Докторъ-батюшка, рецептикъ!

Чѣмъ больного намъ лечить?

Тутъ развелъ руками скептикъ:

— Поскорѣй похоронить.

Як—въ Бѣлый.

Изъ иностранныхъ газетъ.

Изъ частной жизни большевицскихъ делегатовъ.

ЮРБЕВЪ, 7 декабря. Литвиновъ во время своего послѣдняго пребыванія въ Ревелѣ не пользовался правомъ свободы движенія и даже не ходилъ пешкомъ на засѣданія, его же соотечественникъ Юффе напротивъ, человекъ „на распашку“. Сопровождаемый военнымъ, онъ разъѣзжаетъ по городу, но не ради развлечения, а съ специально коммерческими задачами. Въ торговляхъ онъ покупаетъ въ большомъ количествѣ сыръ, масло, колбасу и другіе не очень быстро портящіеся съѣстные продукты. За товаръ онъ платитъ, не торгуясь новенькими царскими деньгами. Для этого дипломата рабочіе кажутся самымъ обыкновеннымъ явленіемъ трата въ каждой торговлѣ десятковъ тысячъ рублей, точно также какъ для директора банка плата ресторанныхъ счетовъ. Имѣя въ виду, что правительство республики заботится о содержаніи большевицской делегаціи, приходится спрашивать съ удивленіемъ, куда назначено это громадное количество закупленныхъ продуктовъ.

Въ газетѣ „Таймсъ“ (Время) отъ 20 ноября напечатано слѣдующее интересное письмо:—

Издателю Таймсъ.

Милостивый Государь. Отраднo видѣть результаты публикаціи въ Вашей газетѣ письма офицера съ Юга Россіи.

Я считаю, что каждый, кто по собственному опыту знаетъ, какія звѣрства совершались и еще совершаются большевиками, долженъ присоединить свои показанія къ показаніямъ вышеприведеннаго письма.

Я былъ въ Россіи съ конца 1916 г. до 1918 г. Послѣдніе мѣсяцы я провелъ среди большевицковъ, недавно я провелъ 4 мѣс. на Югѣ Россіи. Я былъ въ русской главной квартирѣ, когда прибыли большевицскіе моряки, и мнѣ къ сожалѣнію пришлось быть свидѣтелемъ отвратительныхъ оргій произведенныхъ надъ трупомъ генерала Дуонина. То, что они дѣлали, не подлежитъ описанію. Я вспоминаю, какъ они день за

днем гнали по улицам контр-революционеры для казни. В то время большевики были не настолько сильны и кровавы как теперь, но во время моих путешествий по России я узнал, что они не оставляют в живых своих врагов.

Я приехал на Юг России в Юль в начал наступления Деникина. Я пришел в ужас, узнав, что во время моего отсутствия я потерял нескольких друзей, а именно генералов Радко-Дмитриева и Рузсаго. Обстоятельства, при которых они были убиты—ужасны, о них пишут во всех городах, занятых Добровольческой армией.

Я сам видел колодезь, из которого извлекли их трупы, это было сделано под руководством официального комитета, состоящего из членов всех классов общества и людей безусловно честных. Были сняты фотографии, выставленные затем в выставках всех магазинах Южной России. В каждом городе выборный комитет образует нечто вроде следственной комиссии. Результаты этих следствий печатаются, и делаются фотографические снимки. Я видел следующие зверства: трупы раненых казаков, напичканные керосином, а затем зажженные: все трупы жертв взяты из Чрезвычайной комиссии. В Харькове—все трупы носить на себе признаки пытки—напр. оторванные ступни.

Кроме того показывают фотографии церквей, внутри совершенно разрушенных, иконы и церковная утварь разбиты и покрыты неприличными надписями.

Как многие другие, я привык ко всему этому, но когда слышу, что выдающиеся политические деятели говорят о компромиссах с большевиками, то это приводит меня в отчаяние.

Я хорошо знаю Деникина. Тот, кто говорит, что он монархист делает это лишь с целью дискредитировать его. Во всяком случае я ручаюсь за то, что Деникин, а также его солдаты никогда не согласятся на переговоры с большевиками. Они все смотрят на большевиков как на иностранцев, узурпирующих власть в России, подвергнувших рабству русских, и разрушающих их страну. И не хочу задерживать Вас дольше, я только хотел подтвердить факты, напечатанные в письме офицера и то, что существуют доказательства большевистских зверств на Юге России.

Эстонская газета „Кая“ в № 24 от 5 декабря, дает такую характеристику представителю советской республики на Юрьевской конференции Литвинову:—

Представитель Советской России, который ведет мирные переговоры с англичанами в Копенгагене, один из известнейших русских революционеров. Ему 50 лет от роду и он должен был часто менять свою фамилию, как многие другие революционные деятели. Под именем Финкельштейна он сначала принадлежал к Ростовскому купеческому обществу, но став ярым политиком, он не мог примириться со своим призванием и сделался революционером. Его выслали из предель государства и он познакомился с Лениным. В 1905 году он не принимал участия в ход событий, но сосредото-

ченно следил за ними. В результате он должен был опять отправиться за границу.

Когда в России, Советское Правительство захватило власть он сделался представителем в Англии, где он проживал под фамилией Херрисов. Но англичане его выгнали из своей страны. Потом Литвинов вместе с Красным усиленно старался наладить отношения между Советской Россией и Антантой, с этой же целью предпринял теперешнее путешествие в Копенгаген.

Нечего сказать веселенький представитель, которого выгнали из всех стран. Самый настоящий образец Советского правительства.

Эстонская газета „Социаль-демократ“ сообщает следующие мирные условия большевиков:

Определенных условий нам большевики еще не предлагали. Однако мне удалось узнать, что они требуют главным образом следующее:

- 1) Признание Советского государства и его правительства.
- 2) Отвод войск за границу.
- 3) Амнистия политических преступников.
- 4) Начало торговых и дипломатических сношений.
- 5) Уничтожение таких иностранных войск, присутствие которых в стране может угрожать миру.

Эти условия обязывают обе стороны.

Сверх того русские потребовали, чтобы Англия разрешила провоз товаров, а вместе с этим и свои гавани и склады.

Вот в этих торговых условиях и зарыта собака. Эстония должна спасти Советскую монархию от голода и холода... А самой? Погибнуть от того и другого во имя идеи интернационала и сытости советских саврасов без узды.

В виду всего этого тот же „Социаль-демократ“ в передовой статье от 7-го декабря не очень то надеется на мир.

Газета между прочим пишет: Еще неизвестно чем кончится Юрьевский конгресс. Избавит ли он нас от утомительной войны. Даст ли он нам устойчивый и твердый мир. Это все еще неизвестно. Как всегда, так и в этом случае советует не смотреть слишком оптимистически на работу мирного конгресса. Лучше будем считаться с тем, что могут возникнуть еще всевозможные неожиданные препятствия и задержать дело мира.

Судя по письмам Эстонских корреспондентов нельзя надеяться на то, что латыши поддадут под большевистское иго.

Латышская делегация, которая, по словам самих членов находится в Юрьеве только для информации, состоит из 3 человек, в том числе Мендерс.

Они не участвуют в мирной конференции и получают только те сведения относительно работ конференции, которые выдаются корреспондентам газет.

Сегодня я долго беседовал со всеми 3 членами. Они подтверждают, что Латвия смотрит доброжелательно и с большими надеждами на заседания мирной конференции, но принять участие в них не может.

Латышские взгляды расходятся с некоторыми взглядами эстонцев. Мы воюем

с Германией, сказал Мендерс, и пока не кончилась эта война фактически и юридически, наши руки связаны, тем более что Латвия только благодаря интервенции союзников, в особенности Франции, в состоянии ликвидировать свои дела с Германией.

Английская газета „Дэли Телеграф“ (Ежедневный телеграф) в телеграмме из Парижа от 24 ноября, сообщает:

Сюда возвратился Маклаков и д-р Крамарж, бывший чехо-словацкий премьер, с юга России, где они посетили генерала Деникина. Маклаков считает положение в Южной России вполне удовлетворительным, и Крамарж заявляет, что Деникин способен внушить доверие самым крайним пессимистам.

За четвертым крестомъ.

(Разсказъ).
(Продолженіе).

Въ его имя показывали ему напечатаннымъ в толстой, какъ корань, книгѣ полковой исторіи.

Ротмистръ отослалъ старика съ запиской къ адъютанту, отъ адъютанта его вызвали къ командиру полка, и черезъ нѣсколько дней, когда полкъ раннимъ, холоднымъ утромъ подъ призывные звуки „похода“ выступалъ изъ мѣстечка возлѣ стараго георгиевскаго штандарта ѣхалъ первый кавалеръ въ полку юнкеръ Ибрагимъ-Хаджи.

Снова бросили полкъ въ образовавшійся прорывъ, снова, дѣлая ночные вслѣдъ за дневными переходами, безъ устали выполнялъ онъ серьезнѣйшія боевыя задачи, покрывалъ себя славой,

Семьдесятъ съ лишнимъ лѣтъ за плечами у Ибрагима. Еще возставшій Хунзахъ усмирять онъ, боролся противъ неповоротливыхъ безумцевъ, не понимавшихъ тогда, что вместе съ Россіей ихъ счастье. Ему случилось перешагнуть Дунай, что говорить, гдѣ-то близко отсюда, за румынами. Тогда тоже крестъ дали, но не Георгія, не тотъ четвертый котораго ему не хватаетъ. Много крови оставилъ онъ на раскаленномъ пескѣ Азіи, раненый при штурмѣ Теквической крѣпости. Въ японскую войну ему показалось еще труднѣе, не такъ воевала, какъ прежде. Не нравилось Ибрагиму, какъ воевали. А теперь. Теперь онъ чувствуетъ, что ушли силы, не поспѣть старому орлу за молодыми орлятами. Смотри, какъ серебрянными перьями георгиевскихъ крестовъ покрываются ихъ высокія груди. А онъ устаетъ, болятъ по ночамъ колѣни, и неудержимо клонитъ ко сну послѣ первой же безсонной ночи. Старъ сталъ Ибрагимъ.

Ему ужъ говорить своя:

— „Похалъ бы отдохнуть, Ибрагимъ-Хаджи. А крестъ потомъ вышлемъ за періодъ“.

Онъ такъ не хочетъ. За дѣло хочетъ, какъ раньше, развѣ онъ не д-сталець. И таить въ себѣ мысль, чтобъ ошиблось молодое начальство,—не чета оно прежнему, прежнее всю службу знало до тонкости,—ошиблось бы и выдало ему послѣдній золотой крестъ не съ птицей-орломъ,

какъ даютъ мусульманамъ, а съ джигитомъ-Георгіемъ. Его вѣдь чтуть правобѣрные не меньше, чѣмъ христіане.

Даль же генералъ тягой крестъ взводному Дагомету.

Ибрагимъ не уѣзжалъ. Перемогаясь и стараясь не показывать, что усталъ, онъ продолжалъ быть при родномъ штандартѣ, двойникѣ того стараго со святыми словами Пророка, вышитыми золотомъ на красномъ шелку, которое онъ не разъ защищалъ въ далекихъ ущельяхъ родины,

Но ждать было трудно. Лучше броситься на подвигъ, побѣдить и заслужить награду.

Какъ-то, давъ штандартъ замѣнявшему его время отъ времени, молодому юнкеру, Ибрагимъ исчезъ. За нимъ посылали, искали у односельчанъ по сотнямъ. Его нигдѣ не было, а полку нужно было сниматься и уходить. Командиръ полка сердился, пенялъ на себя, что взялъ старика на службу. Сидѣлъ бы онъ лучше у себя въ Герзель-аулѣ, или Алтаяхъ какихъ-нибудь на печкѣ. Рѣшили подождать еще полъ-часа, и выступить. Вѣдь не ждутъ боевыя приказанія.

Все ждали, и все были увѣрены, что Ибрагимъ вернется, что онъ исчезъ не напрасно.

Гдѣ-то съ лѣваго фланга, за лѣскомъ вдругъ занялась, затоковала частая перестрѣлка и оборвалась.

На высокой свѣтло-рыжей австрійской лошади изъ за лѣса выскочилъ старый Ибрагимъ съ сияющимъ лицомъ, обнаживъ въ старческой улыбкѣ ровные, крѣпкіе зубы. На низкой лукѣ австрійскаго сѣдла передъ юнкеромъ лежало чье-то пухлое тѣло въ строголоубой форменной одеждѣ.

Связанный былъ живъ и невредимъ, только глухо бормоталъ что-то по нѣмецки — „Австріяцкій генералъ ловилъ. Крестъ давай господинъ полковникъ. Намъ ловилъ, —первымъ крестъ давалъ, Текинъ ловилъ, —другой давалъ. Хунгузъ много ловилъ, —третій давалъ“.

Отъ Ибрагима такъ и не добились больше ничего, гдѣ, какъ поймалъ онъ тогдаго оберъ-лейтенанта, и привезъ его такъ, какъ когда-то возили туземцы своихъ плѣнниковъ.

— „Поймалъ, притащилъ. Поди самъ поймай“, отвѣчалъ онъ даже на распросы офицеровъ, спокойный теперь, что крестъ обезвеченъ.

Старика не разочаровывали, что пойманный имъ австріецъ вовсе не генералъ, а младшій офицеръ, да и не стоило разочаровывать. Плѣнный перепуганный на смерть, сообщил на допросѣ настолько важныя свѣдѣнія, что отъ нихъ зависѣло спасеніе обоеденной—было дивизіи. Поимка его стоила настоящаго заслуженнаго креста. И старикъ получалъ крестъ. Самъ начальникъ дивизіи передалъ его Ибрагиму, вызванному въ штабъ.

Золотой крестъ съ бантомъ, послѣдній.

И никому не указалъ Ибрагимъ на ошибку генерала: Крестъ былъ съ Джигитомъ съ Святымъ всадникомъ, о какомъ и мечталъ старый воинъ.

Д —ночь.

Отвѣтственный редакторъ:

Г. ЛАМЛЕ

Издатель В. ЛЕБЕДЕВЪ.